

Глава 4. Столь важный поворот сюжета

Когда кошмар наконец отступил, Е Байлан обнаружил, что лежит в ванне.

Ци Цзю полустоял на коленях рядом. Одной рукой он придерживал его, оберегая шею и голову, а другой черпал воду и мерно поливал его плечи. Чистые, теплые струи стекали по телу. Свет ламп над головой казался ослепительно ярким.

— Проснулся? — Ци Цзю отложил ковш и коснулся его лба ладонью. — Прости, не хотел тебя напугать.

Он всего лишь пытался высвободиться из хватки Е Байлана, который висел на нем мертвым грузом, и никак не ожидал, что реакция будет столь бурной — вплоть до тяжелых галлюцинаций. Е Байлану определенно следовало показаться врачу, иначе рано или поздно случится беда.

Сжимая в кулаке «золотой палец» здоровья, Ци Цзю склонился над краем ванны и принялся дружелюбно разъяснять юноше медицинские аспекты его состояния.

Е Байлан лежал в горячей воде, широко раскрыв глаза и не двигаясь. Неизвестно, слышал ли он хоть слово; лишь его грудь медленно и натужно вздымалась.

Заметив, что тот даже не моргает, Ци Цзю прикрыл его глаза своей ладонью, чтобы свет ламп не резал зрение.

— Если боишься огласки, найми частного врача. Пусть осмотрит тебя прямо здесь, дома. Это пойдет на пользу.

Е Байлан по-прежнему хранил молчание. Ци Цзю не торопил его: он помог юноше поудобнее опереться о край ванны и с самым серьезным видом принялся намыливать ему голову, взбивая густую пену.

Е Байлан: «...»

В ванной было зеркало, и он прекрасно видел, чем занят этот полоумный лжец.

Он перенес тяжелый приступ, потерял сознание — и это был идеальный шанс для побега! Но этот проходимец не сбежал, не занервничал и даже не попытался что-то предпринять. Вместо этого он сидит здесь и усердно сооружает у него на макушке «громоотвод» из мыльной пены.

Е Байлан едва не задыхался от ярости. Происходящее было настолько нелепым и необъяснимым, что он рывком перехватил руку Ци Цзю. В глубине его зрачков вспыхнул

опасный огонь:

— Чего ты скалишься?!

В этот миг Е Байлан наконец перестал походить на живой труп. Исчезла та гнетущая аура смерти и обреченности, уступив место живым эмоциям.

Ци Цзю вовсе не скалился. Он просто вспомнил, как когда-то подрабатывал на ферме и в разгар снежной бури отправился в лес на охоту. Там он встретил волчонка, который точно так же скалил зубы, вздыбив шерсть на загривке.

— Ну всё, успокойся.

Ци Цзю перестал играть с его волосами и, зачерпнув немного воды, смыл пенную башню с головы Е Байлана.

— Давай просто поговорим.

Е Байлану показалось, что он ослышался. Ничего более абсурдного он в жизни не встречал.

— Я не прошу тебя меня прощать, — голос Ци Цзю звучал мягко и размеренно. Эта была та форма спокойствия, которая не имела ничего общего с миром Е Байлана — она казалась речью на чужом, почти забытом языке. — Посиди так.

Он взял полувлажную подушку и подложил её юноше под спину.

— Отдохни немного. Наберешься сил — тогда и продолжим драться.

Е Байлану стало смешно. Он искренне не понимал: неужели этот лжец окончательно лишился рассудка?

— Ци Цзю... Ты хоть понимаешь, что несешь?

— Ты ведь собираешься со мной расправиться? — Ци Цзю выжал полотенце. — Это лишь вопрос времени. Я видел твой приступ. Ты не можешь меня отпустить, не можешь позволить тем, кто снаружи, узнать правду.

Е Байлан впился в него взглядом, его зрачки на мгновение сузились.

...Ци Цзю был прав.

Новый глава семьи Е — психопат. Безумец, который во время приступов способен лишь метаться в агонии. Любой мог бы с легкостью лишить его жизни в такие минуты. Это была бездна, способная поглотить его целиком.

Е Байлан замер. Жизнь, только что промелькнувшая в его облике, начала стремительно угасать, вновь уступая место мертвенной апатии. Глубокая обида и холодная ненависть начали прорастать сквозь его изможденное тело.

Взгляд Е Байлана наполнился ядом. В его жизни было слишком много тех, кого следовало ненавидеть. К нему никогда не относились по-доброму; даже если бы он снизил планку до предела, прося лишь о капле искренности, он не получил бы её ни разу. Эта горечь проникла в самую кость, лишая сна по ночам.

Ци Цзю не ошибся: Е Байлан никогда не позволял жить тем, кто видел его в моменты слабости. Если раньше у Вэнь Чжэня еще оставался призрачный шанс на спасение, если бы он хорошо прислуживал хозяину, то с того мгновения, как он стал свидетелем приступа, Ци Цзю фактически стал покойником.

— Ну, раз так, давай поболтаем, — Ци Цзю, казалось, ничуть не беспокоила собственная участь. — Ты ведь обещал исполнить мое последнее желание?

Е Байлан медленно улыбнулся. Улыбка вышла странной — смесь иронии и глубокой ненависти, направленной и на себя, и на весь мир.

— Твое последнее желание — это просто поговорить?

Ци Цзю со вздохом развел руками:

— Ну, банки ты мне ставить всё равно не даешь.

Е Байлан: «...»

Какая муха укусила этого лжеца? Почему он так одержим идеей поставить ему банки?!

Ци Цзю, не обращая внимания на его злобный вид, усмехнулся и набросил банное полотенце прямо на голову Е Байлана. Тот, не ожидая подобной выходки, взорвался под тканью:

— Ци Цзю!

— Твой недавний приступ — это травматический флешбэк. И это лечится, — Ци Цзю продолжал гнуть свою линию. Сквозь полотенце он обхватил голову юноши ладонями и привычными движениями принялся массировать её. — Есть несколько методик...

Договорить он не успел. Е Байлан смахнул стоявший рядом стакан, и тот со звоном разлетелся вдребезги.

Не обращая внимания на осколки, юноша, воспользовавшись замешательством Ци Цзю, вывернулся из его хватки и перекатился по полу. Он схватил самый острый осколок и прижал его к горлу Ци Цзю.

Тот оказался прижатым к стене, всё еще сжимая в руках влажное полотенце.

Е Байлан прищурился. Кончики его пальцев коснулись кадыка Ци Цзю, медленно описывая круги и легонько подталкивая кожу. Этот лжец сказал, что его зовут не Вэнь Чжань, а... Ци Цзю?

Впрочем, неважно. Е Байлан не собирался ставить ему надгробие. Кладбище семьи Е занимало место с лучшим фэншуй в округе, а за ним располагался пустырь — место для безымянных могил, приют для одиноких призраков. Одним больше, одним меньше — какая разница? Е Байлан крепко сжал осколок, пристально разглядывая Ци Цзю.

Его мать тоже была похоронена на том пустыре. Когда Е Байлан был маленьким, «родственнички» из семьи Е часто водили его туда. Это было жуткое место: вечный свист ледяного ветра, заросли сорняков и бродячие псы, охраняющие свою территорию и рычащие на каждого встречного.

«Ну же, позови мамочку», — те люди приводили его к небольшому земляному холмику, смеялись, окружив его, и слепили глаза светом фонарей. «Она ведь спрыгнула с крыши только для того, чтобы прикончить тебя. Какая жалость...»

Е Байлан вынырнул из воспоминаний. Он плотнее прижал стекло к шее Ци Цзю, медленно надавливая. Его черные зрачки пылали фанатичным огнем, в их глубине мерцал странный, пугающий свет.

Те, кто мучил его, заслуживали смерти. Но даже они были недостойны лежать на том пустыре. Е Байлан раньше считал, что и Вэнь Чжань этого достоин, но теперь всё изменилось.

Этот лжец по имени Ци Цзю, сбросивший свою маску продажного шута, внезапно стал ему интересен...

Несколько капель крови упали в воду, мгновенно окрасив её в бледно-розовый цвет.

Стремительные шаги и стук в дверь прервали его мысли.

— Господин?! — голос охранника из-за двери звучал крайне напряженно. — Вы в порядке? Вам нужна помощь?

Е Байлан коснулся окровавленного осколка, а затем перевел взгляд на настенные часы.

Обстановка в семье Е была нестабильной, и нанятые им люди имели четкую инструкцию: если связь с хозяином прерывается более чем на три часа, они должны немедленно принимать экстренные меры. Приступ в этот раз затянулся; он и не заметил, как долго пробыл наедине с этим лжецом.

— Не нужно, — отозвался Е Байлан. — Свободны.

Телохранитель за дверью с облегчением приглушенно ответил. Послышались удаляющиеся шаги, хлопнула входная дверь, и в доме снова воцарилась тишина.

— ...Существует несколько методов терапии, — внезапно подал голос Ци Цзю.

Е Байлан: «...»

Осколок всё еще касался его горла, и Е Байлан был искренне поражен нелепой настойчивостью этого человека. Он уставился на Ци Цзю взглядом, полным изумления и мрачной настороженности.

Система, не на шутку напуганная происходящим, вопила во внутреннем канале: «Сейчас не время выполнять план! Уровень очернения не снижается, он вполне может тебя убить!»

Они общались по внутренней связи — своего рода четырехмерному пространству для сотрудников, скрытому от окружающих.

Ци Цзю мысленно спросил: «Совсем не снижается?»

«Ни на единицу», — уверенно ответила Система, наблюдая за целью через воображаемый бинокль.

Более того, уровень очернения Е Байлана продолжал расти, на несколько минут подскочив до критической отметки. Ци Цзю, то ли проигнорировав предупреждение, то ли не придав ему значения, «одолжил» у Системы бинокль, чтобы взглянуть на юношу со стороны. Спустя мгновение он спокойно констатировал:

— Е Байлан не собирается меня убивать.

«Он тебе шею стеклом режет, кровь течет!» — не унималась Система.

— Это не моя кровь, — Ци Цзю коснулся шеи: раны не было. — Это кровь Е Байлана.

Тот слишком сильно сжал осколок в ладони. Система онемела.

Е Байлан, словно внезапно утратив интерес к происходящему, отбросил стекло и, прихрамывая, вернулся к ванне. Он сел на пол прямо в одежде, подтянув колени к груди. Кровь сочилась из его ладони; он равнодушно опустил руку в воду, сполоснул её и снова замер, превратившись в маленький комок, забившийся в угол.

На его лице не было ни одной эмоции. В этой позе он казался непривычно хрупким и маленьким; мокрые черные волосы облепили голову, из-за чего он выглядел гораздо моложе своих лет. Глядя на него сейчас, было невозможно представить, что именно этот человек железной хваткой вырвал власть в семье Е.

Ци Цзю осторожно собрал осколки полотенцем, намереваясь позже их выбросить, и набросил на Е Байлана новую сухую простыню. Тот, разумеется, попытался сопротивляться, но Ци Цзю привычно укротил его: сначала мягко, как щенка, потрепал за загривок, а затем точным движением нажал большим пальцем на точку под мечевидным отростком.

Ци Цзю почти не приложил силы, но перед глазами Е Байлана заплясали искры, он глухо охнул и обмяк.

— Твое тело в ужасном состоянии, тебе нужно укреплять здоровье, — Ци Цзю подхватил юношу на руки, укутал в простыню и понес в спальню. — Тот флешбэк, о котором я говорил... Тебе стоит найти этих людей.

Е Байлан уже окончательно онемел от его бесконечных наставлений. Он не проронил ни звука, пока Ци Цзю вытирал его насухо и аккуратно укладывал в постель.

Ци Цзю открыл шкаф, переоделся в чистое, а затем подобрал комплект одежды для Е Байлана. Выбрав свободный участок стены, Ци Цзю подчеркнуто отвернулся.

Видит бог, он лишь курьер, доставляющий «золотые пальцы». Его задача — передать заказ и уйти, не задерживаясь. Пусть главный герой ищет кого угодно, залечивает душевные раны и мчится навстречу прекрасному будущему. А он получит свои комиссионные.

Е Байлан сжался на кровати, не отрывая взгляда от приготовленных вещей. Спустя долгое время он наконец заговорил:

— ...Это всё, что ты хотел сказать?

Ци Цзю, не оборачиваясь, быстро набрасывал на листке бумаги имена. Услышав вопрос, он озабоченно вздохнул:

— Сказать-то я хочу много чего.

Раз уж Е Байлан наотрез отказался от больницы, Ци Цзю придется зачитывать ему план лечения вслух. Интересно, зачтется ли это за успешное внедрение «золотого пальца», если он просто процитирует все рекомендации?

— Это специалисты по посттравматическому стрессовому расстройству, лучшие в своей области. Проверь сам, и если покажутся надежными — сходи на прием.

Ци Цзю смял листок в комок и бросил его через плечо Е Байлану.

— Те, кто... обижал тебя в прошлом.

Ци Цзю тщательно подбирал слова.

— Некоторые из них сейчас слишком влиятельны, их не достать. Ты теперь глава семьи Е, и тебе не избежать встреч с ними.

Если Е Байлан не преодолеет этот психологический барьер, каждое столкновение с ними в привычной обстановке будет грозить ему катастрофой. А если он продолжит глушить страх таблетками в таких дозах, то рано или поздно превратится в идиота.

Е Байлан медленно поднялся с кровати и начал одеваться. На последней пуговице ему в лоб прилетел бумажный комок. Он даже не шелохнулся, не моргнул, просто смотрел, как бумага скатилась на пол.

Когда Ци Цзю обернулся, лицо Е Байлана уже приняло свое привычное выражение — холодное, мрачное и безразличное.

— Сохрани его, — напомнил Ци Цзю. — Пригодится.

Е Байлан сидел на кровати и задумчиво давил бумажный комок ногой.

— Ты еще и в этом разбираешься? — спросил он с едва уловимой усмешкой.

Ци Цзю кивнул:

— Издержки профессии.

Е Байлан вскинул голову и вдруг резким движением схватил Ци Цзю за воротник, вынуждая того наклониться, и уперся ногой ему в колено. Ци Цзю пришлось упереться руками в кровать по обе стороны от юноши, чтобы удержать равновесие.

Е Байлан оказался зажат в пространстве между его руками и грудью. Несмотря на всю исходившую от него ярость, он был настолько худым и хрупким, что его можно было поднять одной рукой.

Ци Цзю снова вспомнил того волчонка. Он любил его и тайно выхаживал, но однажды местные фермеры приняли его за дикого зверя и прострелили ему живот. Когда Ци Цзю прибежал на место, глаза волчонка уже остекленели, тело остыло, а прекрасный белый мех на боку пропитался кровью.

Это было одно из тех событий, о которых Ци Цзю жалел больше всего. Ему следовало повесить на шею тому белому волчонку табличку. Ведь волк с табличкой — это домашний волк, и его никто не посмеет тронуть.

Ци Цзю заметил, что у Е Байлана выпала ресничка, и потянулся, чтобы убрать её, но тут в сознании взвыла Система: «Осторожно! Он хочет сделать тебе укол! Это транквилизатор...»

— Вижу, — отозвался Ци Цзю. Он и впрямь заметил шприц, который уже вонзился ему в ягодицу. — Пусть колет.

В ампуле, которую Е Байлан прятал в складках одежды, было вещество, способное в большой дозе убить, а в малой — успокоить. Средняя же доза использовалась при допросах как «сыворотка правды». Е Байлан, по натуре своей, не доверял никому и никогда не заводил близких друзей. Ци Цзю не удивился, что тот решил применить на нем спецсредство.

Телом Вэнь Чжэня управлял Ци Цзю, и никакая химия не заставила бы его выдать секреты Бюро. Юноша ввел препарат довольно резко; Ци Цзю понял, что доза была приличной, и, оставив затею с ресничкой, глухо охнул и бессильно повалился на пол.

Переключившись на внутренний канал связи, Ци Цзю начал экстренное совещание с Системой, готовя ответы на любые возможные вопросы. Прошло две минуты — действие препарата уже начало ослабевать, но Е Байлан так и не заговорил.

Ци Цзю недоуменно отодвинул Систему и снова взял бинокль.

— Я что-то пропустил? — спросил он. — Почему он молчит? И зачем он подложил мне под голову подушку?

Система поспешно прокрутила запись назад: «!»

Ци Цзю замер: «?»

«Е Байлан спросил тебя... Зачем ты всё это говоришь? Зачем помогаешь ему?»

Только сейчас они поняли, какой важный кусок сюжета упустили. Пока Система паниковала из-за шприца, а Ци Цзю рассматривал ресницы, Е Байлан произнес: «Ты что, и вправду меня любишь?»

Ци Цзю опешил: «??»

Для такого важного момента полагалось музыкальное сопровождение, замедленный повтор и хотя бы предупреждение от Системы!

Е Байлан опустил взгляд и убрал пустой шприц.

Этот вопрос сорвался у него с языка случайно — мимолетный каприз, в котором не было особого смысла, лишь горькая ирония над собой и миром. Если бы Ци Цзю ответил «да», Е Байлан с удовольствием посмотрел бы на продолжение этого спектакля, коротая время. Если бы он ответил «нет», юноша просто избавился бы от него, выбросив тело на пустырь на съедение псам.

Е Байлан склонил голову и слизнул капли крови с ладони. Спрятав раненую руку, он бережно переложил голову Ци Цзю на подушку и, обхватив колени, сел рядом.

Он сидел на полу, неподвижно и беззвучно глядя на распластанного перед ним лжеца.

Ци Цзю так ничего и не ответил.

Видя в руках Е Байлана иглу, он лишь отвел взгляд, позволяя смертельно опасной химии течь по своим венам. Перед тем как окончательно потерять сознание, он успел лишь протянуть руку, кончики его пальцев замерли в волоске от ресниц Е Байлана.